

DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.031

УДК 32.327

Г.С. ВИДЯЕВ

аспирант Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
E-mail: vgs190289@mail.ru

ВЫЗОВЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АТР В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: УГРОЗЫ И СТРАТЕГИИ ОТВЕТА

Статья посвящена комплексному анализу современных вызовов и угроз продовольственной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в контексте трансформации международной системы. На фоне глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, конфликт на Украине, климатические катаклизмы и макроэкономическая нестабильность – АТР сталкивается с системным ухудшением показателей продовольственной доступности, устойчивости и качества питания. В центре внимания влияние геополитических и экономических факторов на динамику недоедания, продовольственную инфляцию, структуру импорта и экспортные ограничения. Статья акцентирует внимание на географическом неравенстве уязвимости, демонстрируя, что наиболее пострадавшими являются наименее устойчивые экономики региона: Афганистан, Лаосская НДР, Шри-Ланка и Таджикистан. Анализируются последствия девальвации валют, роста цен на топливо и удобрения, сокращения денежных переводов и суверенного долга для продовольственной безопасности. В завершение предложены стратегические меры смягчения кризиса, включая региональные валютные соглашения, инвестиции в климатустойчивое сельское хозяйство и программы таргетированной продовольственной поддержки. Исследование подчеркивает необходимость интеграции продовольственного измерения в повестку международной стабильности и устойчивого развития.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, международная система, инфляция, климатические шоки, цепочки поставок, неравенство, устойчивое сельское хозяйство, социальная защита, валютная уязвимость.

Введение. Продовольственная безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сталкивается с беспрецедентными вызовами, усугубляемыми глобальными кризисами, климатическими изменениями и геополитической нестабильностью [19]. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН ФАО, к концу 2022 года число жителей региона, страдающих от острого дефицита продовольствия, достигло 69,1 млн человек – на 41,5 млн больше, чем в доковидный период. Основными триггерами стали:

1) затяжной конфликт на Украине, нарушивший глобальные цепочки поставок зерна и удобрений;

2) климатические шоки (наводнения, засухи) в ключевых аграрных зонах АТР;

3) рост инфляции и цен на энергоносители, повлиявший на стоимость продовольственной корзины.

Продовольственная безопасность, согласно определению ФАО, – это обеспечение физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи для всех людей в любое время. В условиях глобализации и растущей взаимозависимости, Азиатско-Тихоокеанский регион с населением свыше 4 миллиардов человек и который обеспечивает свыше 40% глобального ВВП – играет ключевую роль как потребитель и производитель продовольствия.

Особую тревогу вызывает динамика недоедания. Если в 2021 году в Азии насчитывалось 465 млн человек с хроническим недостатком питания (55% от общемирового показателя), то к 2022 году, согласно Докладу о состоянии продовольственной безопасности (SOFI), этот показатель вырос на 0,93-1,41% из-за последствий украинского кризиса. При этом доступность здорового питания продолжает снижаться. В 2020 году 1,9 млрд жителей АТР не могли позволить себе сбалансированный рацион. К 2022 году стоимость «здоровой корзины» в регионе увеличилась на 4%, а абсолютное число людей, исключенных из здорового питания, выросло на 78 млн [7].

География рисков крайне неоднородна. Наиболее уязвимыми странами, по оценкам Всемирной продовольственной программы (ВПП, 2022), остаются Афганистан, Лаосская НДР, Мьянма, Пакистан и Шри-Ланка, тогда как Бангладеш и Киргизская Республика требуют усиленного мониторинга. Это связано с:

1) экономическими факторами:

- рост долговой нагрузки государств после пандемии COVID-19;
- обесценивание национальных валют и сокращение валютных резервов.

2) социальными факторами:

– ограниченный охват программ социальной защиты, особенно для маргинализированных групп.

Ключевым последствием кризиса становится рост всех форм недоедания. АТР уже несет наибольшее глобальное бремя: 65% детей с истощением; 47% случаев задержки роста; 51% женщин репродуктивного возраста с анемией.

Растущий мировой продовольственный кризис. Конфликт на Украине (2022-2024 гг.) стал катализатором системного кризиса на глобальных товарных рынках, усугубив последствия пандемии COVID-19, инфляцию и структурные дисбалансы в мировой экономике. Для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где восстановление экономики после пандемии оставалось хрупким, этот шок оказался особенно разрушительным.

По оценкам Всемирного банка, к апрелю 2022 года прогнозируемый рост ВВП региона снизился до 4%, что привело к увеличению числа людей, живущих за чертой бедности (менее \$5,50 в день), на 6 млн человек [5]. К октябрю 2022 года прогнозы были пересмотрены в сторону дальнейшего замедления – до 3,2% [13], что связано с сокращением темпов роста Китая (86% регионального ВВП) из-за политики «нулевой терпимости» к COVID-19, а также сокращением экспортных возможностей стран АТР на фоне нарушения глобальных цепочек поставок [6].

Экономическая стагнация напрямую влияет на продовольственную безопасность. Как показали исследования ЮНИСЕФ, в Южной Азии дети из беднейших домохозяйств на 40% чаще страдают от задержки роста и на 35% – от анемии [17].

Украина и Россия играют ключевую роль на мировых рынках пшеницы, кукурузы и растительного масла; вместе они обеспечивают 30% мировых поставок пшеницы, 20% кукурузы и 78% подсолнечного масла, доля Украины и России в мировой торговле указаны на рисунке 1. Россия также является ведущим экспортером удобрений и компонентов для их производства, обеспечивая 49% мировых поставок аммиачной селитры в 2021 году и 40% производства калийных удобрений совместно с Беларусью [10].

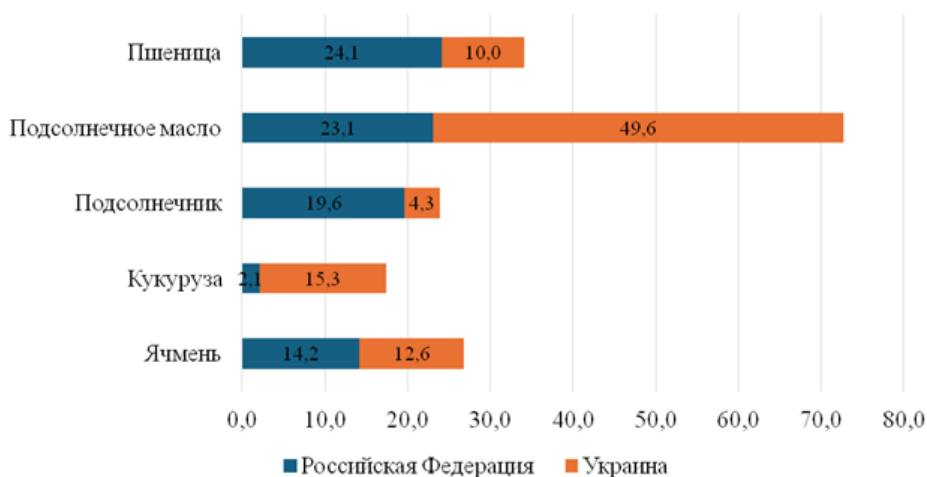

Рисунок 1. Доля Украины и России в мировой торговле, 2018–2020 гг., %

Источник: составлено автором по [12].

Рост цен на продовольствие, удобрения и топливо. Воздействие конфликта на Украине на продовольственную безопасность АТР определяется тремя факторами:

- 1) доля пшеницы в рационе населения;
- 2) зависимость от импорта;
- 3) география поставок (прямые закупки из России/Украины или через посредников).

Субрегиональный анализ:

Тихоокеанские острова и Папуа-Новая Гвинея: полная зависимость от импорта (100%), основной поставщик – Австралия. Риски ограничены из-за диверсификации источников и отсутствия прямых связей с Черноморским регионом [9].

Западная Азия: Таджикистан – 59% импорта пшеницы из Казахстана, который зависит от реэкспорта российского зерна. Киргизия и Афганистан: 35-37% импорта из Казахстана. Угроза – возможные экспортные квоты Казахстана в условиях кризиса [9]. Пакистан: Локальное производство покрывает 95% потребления, но в 2020 году страна входила в топ-5 импортеров украинской пшеницы.

Южная и Юго-Восточная Азия: Бангладеш, Филиппины, Индонезия: импорт составляет 80%, но доля пшеницы в рационе – менее 13%. Ключевой риск – рост цен на фоне девальвации валют (например, бангладешская така потеряла 25% к доллару в 2022 г.) [9]. Индия: Второй производитель пшеницы в мире, но 45% импорта – из Украины. Локальное производство достаточно для внутренних нужд, однако экспортные ограничения в мае 2022 года усугубили мировой дефицит.

К марту 2022 года мировые цены на продовольствие достигли рекордных значений, превысив на 34% уровень 2020 года [9]. Рост цен усилился на фоне неблагоприятных прогнозов по урожаям в ряде ключевых аграрных стран. Так, в марте 2022 года экспортные цены на пшеницу достигли 14-летнего максимума, увеличившись на 47% по сравнению с уровнем 2021 года. Цены на кукурузу также побили рекорды, прибавив 23% в марте-апреле, главным образом из-за дестабилизации поставок, вызванной войной в Украине [2]. В июле цены снизились: пшеница – 12%, но в основном благодаря разблокировке украинского экспорта и благоприятным урожаям: кукуруза коррекция на 15% к августу благодаря урожаю в Бразилии и Аргентине. В последующие месяцы цены колебались, отражая неопределенности относительно инициативы по Черному морю и оценок урожая. К октябрю субиндексы Международного зернового совета (IGC) для пшеницы: на 7,1% выше доконфликтных значений, а для кукурузы на 16,1%, продолжали превышать значения прошлого года [3]. Международный рынок риса оставался относительно более стабильным. Цены немного выросли до июня, стабилизировались между июнем и августом и продолжили расти после этого. К ноябрю субиндекс IGC для риса был на 10% выше значений прошлого года, достигнув самого высокого уровня с мая 2021 года [3]. Мировое производство риса в сезоне 2022/23 снизилось на 0,4 млн т, что более чем на 2% ниже рекордных показателей предыдущего года и является самым низким с 2019/20 года, главным образом из-за снижения производства в ключевых странах-производителях. Выпуск продукции двух крупнейших производителей, Китая и Индии, сократился на 2 и 6,3 млн т соответственно. С другой стороны, мировое потребление было снижено почти на 3,9 млн т по сравнению с пересмотренным рекордом предыдущего года, поскольку спрос, главным образом со стороны Бразилии, Индии и Таиланда, снизился.

Россия является крупнейшим мировым экспортером удобрений, обеспечивая 13% мировых поставок. Россия и Беларусь обеспечивают около 38% мирового рынка (в стоимостном выражении) калийных удобрений, 15% азотных удобрений и около 17% комплексных удобрений.

Прямые поставки из России: Индонезия (45% импорта), Киргизия (60%), Таджикистан (55%).

Косвенная зависимость через Китай: Пакистан, Непал, Мьянма закупают 30-40% удобрений у Китая, который импортирует 15% из России.

В результате конфликта международные цены на основные удобрения, которые уже росли (частично в ответ на запрет Китая на экспорт удобрений в июле 2021 года), значительно увеличились, и индекс цен на удобрения достиг рекордного уровня к маю. Цены на мочевину (+121%), хлористый калий (+178%) и диаммоний фосфат (+50%) в период с апреля по июнь 2022 года были значительно выше, чем за аналогичный период 2021 года. Рост цен привел к доступности удобрений к самому низкому уровню с экономического кризиса 2008 года [11]. Цены начали снижаться с мая, но к концу 2022 года индекс цен на удобрения остался выше доконфликтных значений февраля. Цены ноября на фосфатную руду (+89%) и хлористый калий (+155%) остаются значительно выше средних значений четвертого квартала 2021 года [4].

Цены на топливо и энергию также резко выросли с начала конфликта, что привело к увеличению транспортных расходов и росту инфляции. Рост цен на нефть марки Brent до \$139/баррель в марте 2022 года (+65% к уровню 2021 г.) повлек за собой увеличение транспортных расходов на перевозку зерна через Азию на 25-50% (данные UNCTAD). Социально-экономические последствия для АТР:

1) сокращение покупательной способности:

– 40 млн домохозяйств в Южной Азии перешли на одноразовое питание;

– 23% семей в Индонезии и Филиппинах отказались от медицинских услуг ради экономии.

2) рост долговой нагрузки:

– уровень задолженности сельских домохозяйств в Индии и Пакистане превысил 120% от годового дохода.

Ограничения на экспорт. В ответ на глобальный продовольственный кризис 2022 года ряд стран АТР ввел экспортные ограничения для защиты внутреннего рынка. Ключевые примеры: Казахстан (апрель 2022 года): установлены квоты на экспорт пшеницы (1 млн тонн) и муки (300 тыс. тонн). Последствия: сокращение поставок в Центральную Азию (Узбекистан, Таджикистан), где Казахстан обеспечивает 40% импорта зерна.

Индонезия (март-май 2022 года): Запрет на экспорт пальмового масла вследствие чего произошел взлет мировых цен на 45% [8]. После отмены ограничений цены снизились, но к октябрю 2022 года оставались выше уровня 2021 года в Пакистане (на 66%), Мьянме (на 115%) и Лаосе (на 135%).

Общая динамика к октябрю 2022 года (по данным FAO): 16 стран АТР ввели ограничения на 21 товар, включая рис (Индия, Бангладеш), пшеницу и растительные масла. Результатом явился рост волатильности мировых цен (+30% на рис), снижение доступности продовольствия для стран-импортеров (Филиппины, Шри-Ланка).

Снижение денежных переводов. Дестабилизация российской экономики после введения санкций (2022 г.) привела к обвалу курса рубля на 40% к доллару США в марте 2022 года, вследствие чего сокращению денежных переводов мигрантов из Центральной Азии, как Узбекистан, Киргизская Республика и Таджикистан, где 70% домохозяйств зависят от денежных переводов.

В Таджикистане в 2020 году трудовые мигранты отправили домой 2 миллиарда долларов США в виде денежных переводов, что составило 26,7 процента ВВП страны. В Киргизской Республике переводы от одного миллиона трудовых мигрантов достигли 2,77 миллиардов долларов США, или 30% ВВП.

Долгосрочные последствия продовольственного кризиса в АТР. Три основных воздействия вызывают наибольшую обеспокоенность:

1. Девальвация валюты и инфляция. Ослабление курса валюты, рост цен на товары и транспортные расходы, а также увеличение сроков выполнения заказов из-за нарушений в цепочках поставок привели к росту внутренних цен и снижению доступности товаров. Большинство стран региона (13 из 16 стран с доступными данными) достигли уровня продовольственной инфляции в 9% и выше в период с июня по октябрь 2022 года, в шести из них уровень инфляции превысил 15% [18].

2. Суверенный долг и бюджетные дефициты. Несколько правительств региона уже сталкиваются с критическими уровнями долга и запасов иностранной валюты из-за комбинации факторов, включая снижение доходов, обесценивание местной валюты и рост импортных затрат. Это ограничивает их способность финансировать ключевые программы и услуги, такие как социальная защита, здравоохранение и образование.

3. Увеличение рисков продовольственной безопасности, недоедания и нестабильности. Рост бедности и конкуренция за ресурсы могут усугубить напряженность.

Рассмотрим каждый из этих аспектов подробнее. Влияние валютных колебаний на импорт и потребительские цены. Текущий продовольственный кризис и рост цен, вероятно, вынудят еще больше людей заменять питательные продукты более дешевыми и менее полезными альтернативами. Предварительный анализ стоимости питания в четырех странах региона Азии показал увеличение минимальной стоимости питательных продуктов на 20-36 процентов за последние 2-3 года. Более высокие цены на продовольствие и топливо также могут привести к тому, что домохозяйства будут реже пользоваться медицинскими услугами, что нарушит охват населения системой здравоохранения и снизит инвестиции в общественное здоровье. В Шри-Ланке ограниченные запасы топлива уже повлияли на способность служб по распространению питания

оказывать услуги, что в долгосрочной перспективе может привести к значительному ухудшению качества этих услуг.

Структурная зависимость стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) от импорта продовольствия, номинированного в долларах США, превращает девальвацию национальных валют в ключевой драйвер инфляции. К октябрю 2022 года обесценивание местных валют достигло критических отметок: Шри-Ланка (-45%) и Лаосская НДР (-39%) возглавили антирейтинг, столкнувшись с коллапсом валютных резервов; девальвация в Пакистане (-22%), Мьянме (-16,8%) и Филиппинах (-12,9%), усилив давление на цены импортных товаров. Исключением стали Афганистан, Киргизия и Таджикистан, где курсы стабилизировались благодаря жесткому валютному контролю и зависимости от денежных переводов из России.

Стоимость продовольствия за последний год выросла во всех странах региона, при этом темпы продовольственной инфляции варьировались от 4,24% в Бутане до 85,6% в Шри-Ланке по состоянию на октябрь 2022 года, что является одним из самых высоких показателей в мире. На основе данных, доступных в октябре, еще пять стран имеют темпы продовольственной инфляции выше 15%: Лаосская НДР (39%), Пакистан (36%), Киргизская Республика (17%), Афганистан (18%) и Мьянма (17%). В предыдущем месяце продовольственная инфляция значительно увеличилась в Фиджи, Лаосской НДР, Мьянме, Непале, Пакистане и Филиппинах. Эти дисбалансы отражают «двойную уязвимость» региона: зависимость от глобальных цепочек поставок и низкую диверсификацию сельского хозяйства.

Рост доли расходов на продовольствие до 40% доходов домохозяйств (вместо докризисных 30%) спровоцировал «каскадный эффект» [16]. Сокращение медицинских расходов: в Шри-Ланке 58% семей отказались от плановых медосмотров; Кризис образования: в Пакистане 23% домохозяйств изъяли детей из школ для экономии на транспортных расходах; Гендерное неравенство: женщины в сельской местности Индии потребляют на 35% меньше белковой пищи, чем мужчины.

Без дополнительного дохода домохозяйства вынуждены делать выбор между расходами на питание, здравоохранение, образование и жилье. Особенно это вызывает беспокойство в отношении маргинализированных групп, включая женщин, детей, лиц с ограниченными возможностями, коренные меньшинства, а также этнические, политические, языковые и религиозные меньшинства. Многие из них уже воспользовались стратегиями выживания для борьбы с высокими уровнями продовольственной нестабильности, которые усугубились кризисом COVID-19.

Доклад SOFI в 2020 году выявил прямую корреляцию между стоимостью «здоровой корзины» и распространенностью задержки роста ($R^2=0.87$) [17]. В АТР, где 32 млн детей страдают истощением, текущий кризис усугубляет три ключевые проблемы:

1) скрытый голод – дефицит микронутриентов у 570 млн женщин репродуктивного возраста, повышающий риски врожденных патологий;

2) цикличность бедности: недоедание снижает умственные и физические способности, что ведет к снижению доходов и дальнейшему ухудшению питания, формируя замкнутый круг бедности;

3) демографические риски: в Пакистане 44% детей до 5 лет имеют задержку роста, что к 2040 году может сократить ВВП на 4.5% [16].

Таким образом текущая ситуация требует пересмотра подходов к продовольственной безопасности:

- 1) создание региональных валютных пулов для стабилизации импорта;
- 2) инвестиции в климатоустойчивые сорта сельхозкультур;
- 3) внедрение целевых программ питания для уязвимых групп.

Эти меры должны быть интегрированы в стратегии посткризисного восстановления, чтобы разорвать порочный круг «инфляция – бедность – недоедание».

Суверенный долг и бюджетные дефициты. Отношение долга к ВВП, отражающее способность государства обслуживать обязательства, стало критическим индикатором уязвимости стран АТР. Согласно методологии МВФ (2022), превышение порога в 70% создает риски дефолта и замедляет экономический рост за счет сокращения инвестиций в производственный сектор.

По состоянию на август 2022 года Международный валютный фонд (МВФ) указал, что девять стран находятся в зоне высокого риска долгового кризиса (Афганистан, Лаосская НДР, Таджикистан, Восточный Тимор и тихоокеанские острова, такие как Кирибати, Папуа-Новая Гвинея, Тонга, Тувалу и Самоа), а еще пять – в зоне умеренного риска (Бутан, Киргизская Республика, Пакистан, Соломоновы Острова и Вануату). Высокие уровни долга и высокие/умеренные риски долгового кризиса ограничивают способность правительств расширять и финансировать программы социальной защиты, импортировать товары и занимать средства. В то же время расходы на импорт продовольствия растут наиболее быстрыми темпами именно в бедных странах, которые уже находятся в долговом кризисе или находятся в зоне высокого риска его возникновения.

Парадокс долговой ловушки: страны, наиболее зависимые от импорта продовольствия, вынуждены наращивать заимствования именно для его закупки. Например, в Шри-Ланке расходы на импорт продуктов питания в 2022 году выросли на 28%, составив 19% от общего объема импорта. Это усугубляет долговую нагрузку, ограничивая возможности финансирования социальных программ.

Сокращение бюджетов на социальную сферу напрямую затрагивает систему образования. Исследования ЮНИСЕФ показывают, что 1% роста инфляции в странах АТР коррелирует с 0.7% увеличением доли детей, не посещающих школу. Закрытие школ в Коломбо из-за дефицита топлива привело к тому, что 420 тыс. учащихся прервали обучение. Сокращение бюджета программы школьного питания с 6 до 2 млрд рупий вызвало рост числа детей с симптомами недоедания в школах на 45%, итогом стало, что 60% школ прекратили ежедневные обеды [14].

Программы школьного питания, доказавшие эффективность в борьбе с голодом (например, исследование FAO в Камбодже, 2021), сталкиваются с двойным

давлением: финансовым – рост стоимости продуктов на 30-50% (Пакистан, Филиппины) и логистическим – удорожание транспорта на 25-70% (Индонезия, Бангладеш).

Помимо прямых последствий для торговли продовольствием, кризис оказал серьезное воздействие на социальную ткань региона, особенно в отношении уязвимых слоев населения.

Увеличение риска продовольственной нестабильности в АТР. Продовольственные кризисы исторически сопровождаются социальной нестабильностью. В 2007-2008 годах рост цен на продовольствие спровоцировал массовые протесты в 40 странах, включая Египет и Гаити. Для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) текущий кризис стал еще масштабнее: по модели The Economist (2022), инфляция на 10% увеличивает риск гражданских волнений на 15%. Яркий пример – Шри-Ланка, где продовольственная инфляция в 85,6% привела к отставке президента в 2022 году. Подобные тенденции наблюдаются в Пакистане и Мьянме, где цены на рис выросли на 30-40%, усиливая социальное напряжение [1].

За три года число людей с острой проблемой продовольственной безопасности в АТР выросло в 2,2 раза:

- 2019: 27,6 млн человек;
- 2021: 62,1 млн человек (последствия пандемии, климатические шоки);
- 2022: 69,1 млн человек (20% от общемирового показателя) [ВПП, 2023].

Заключение. В условиях глобальной трансформации система продовольственной безопасности АТР требует структурного обновления. Приоритетами должны стать: 1) развитие внутреннего производства; 2) снижение зависимости от импорта; 3) формирование региональных резервов продовольствия и удобрений.

Рекомендации по укреплению продовольственной безопасности в АТР: системный подход:

1) совершенствование мониторинга и прогнозирования. Для эффективного противодействия кризису необходима многоуровневая система оценки рисков, объединяющая:

- социально-экономические и нутритивные исследования;
- регулярный анализ дифференцированного воздействия кризиса на уязвимые группы (женщины, дети, этнические меньшинства) с использованием инструментов вроде «Стоимости питания» и экономических мониторов. Например, в Камбодже подобные оценки выявили рост недоедания среди детей до 5 лет на 12% в 2022 году, что позволило скорректировать программы школьного питания;

2) высокочастотный мониторинг домохозяйств:

- трекинг изменений в пищевых привычках, доступности микронутриентов и динамике цен (ежеквартальные опросы в 15 странах АТР);
- интеграция данных с платформами искусственного интеллекта для прогнозирования «горячих точек» голода (опыт Филиппин);

- 3) прозрачность рынков:
  - создание региональной базы данных по ценам на ключевые продукты (рис, пшеница, растительные масла) с ежедневным обновлением;
  - публикация индекса доступности здорового питания (на примере модели ВПП для Шри-Ланки);
- 4) защита материнского и детского здоровья:
  - безусловные денежные переводы для беременных женщин и семей с детьми до 2 лет (успешный кейс Бангладеш: снижение анемии на 18% за 2021-2023 гг.);
  - массовое распространение обогащенных продуктов;
  - обогащение риса железом в Индонезии (охват 40 млн человек);
  - программа школьного молока в Таиланде с добавлением витамина D;
- 5) адаптация к инфляции:
  - автоматическая индексация размеров выплат на 5-7% при росте цен на продовольствие свыше 10% (модель Малайзии);
  - цифровые платформы для таргетирования помощи (например, блокчейн-система в Пакистане для исключения посредников);
- 6) поддержка школьного питания:
  - внедрение «умных меню» (ПО PLUS) для оптимизации питательности при сокращении затрат (опыт Вьетнама +30% белка в рационе при экономии \$2 млн в год);
- 7) снижение зависимости от импорта:
  - субсидирование местных производителей удобрений (пример Индии рост выпуска мочевины на 25% в 2022 г.);
  - создание регионального зернового резерва под эгидой АСЕАН+3 (объем 500 тыс. тонн);
- 8) государственно-частное партнерство:
  - сеть SUN Business Network для поддержки малых фермеров (Камбоджа: 50 тыс. хозяйств получили доступ к засухоустойчивым семенам);
  - стимулирование производства функциональных продуктов (например, йодированной соли в Непале);
- 9) коммуникационные стратегии:
  - образовательные кампании о гендерно-справедливом распределении пищи в домохозяйствах (радиопрограммы на хинди, урду, тагальском);
  - мобильные приложения для отслеживания питания (пилот в Шри-Ланке: 1 млн загрузок за 2023 г.);
- 10) межсекторальные антикризисные группы:
  - координация между Минсельхозом, Минздравом и НПО для оперативного реагирования (модель Филиппин: снижение времени доставки помощи на 40%);
- 11) поддержка конфликтных зон:
  - гибкие механизмы помощи в обход санкций (гуманитарные коридоры для Афганистана);

– мобильные клиники для лечения острого недоедания в Мьянме и Пакистане.

Предложенные рекомендации направлены на трансформацию подходов к продовольственной безопасности: от экстренной помощи к созданию устойчивых систем. Ключевой вывод: интеграция данных, технологий и межсекторального сотрудничества позволяет смягчить последствия текущего кризиса и предотвратить будущее. Пример Шри-Ланки демонстрирует, что даже в условиях гиперинфляции точечные меры (индексация выплат, поддержка фермеров) снижают уровень голода на 15-20%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. A wave of unrest is coming. Here's how to avert some of it // The Economist // <https://www.economist.com/leaders/2022/06/23/a-wave-of-unrest-is-coming-heres-how-to-avert-some-of-it>.
2. AMIS. Price changes refer to International Grains Council (IGC) Wheat and Maize Sub-Indices. July 2022. Market Monitor No. 100.
3. AMIS. Market Monitor. November 2022 // <https://www.amis-outlook.org/>.
4. CMO-Pink-Sheet-December-2022.pdf // World Bank // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf>.
5. East Asia and Pacific Economic Recovery Faces Risks from the War in Ukraine, U.S. Monetary Tightening, and China Slowdown // World Bank // <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/september-2022-global-poverty-update-world-bank-2017-ppps-and-new-data-india>.
6. East Asia and Pacific Sustaining Growth, Restraining Inflation, but Facing Risks Ahead // World Bank // <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/09/26/east-asia-and-pacific-sustaining-growth-restraining-inflation-but-facing-risks-ahead>.
7. FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. 2022. The State of Food Security and Nutrition in the World 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable // <https://doi.org/10.4060/cc0639en>.
8. FAOSTAT. FAO Vegetable Oil price index. FAO Food Price Index. World Food Situation // <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>.
9. FAOSTAT // <https://www.fao.org/faostat/en/>.
10. Fertilizer prices are expected to remain higher for longer // World Bank // <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/fertilizer-prices-expected-remain-higher-longer>.
11. Fertilizer prices expected to remain higher for longer // World Bank // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37223/CMO-April-2022.pdf>.
12. IFPRI // <https://www.ifpri.org/blog/how-will-russias-invasion-ukraine-affect-global-food-security/>.
13. «Reforms for Recovery» World Bank East Asia and Pacific Economic Update (October), Washington, DC. World Bank. 2022. DOI: 10.1596/978-1-4648-1921-6.

14. Save the Children International. School meals off the menu for children in Sri Lanka as economic crisis bites // <https://www.savethechildren.net/news/school-meals-menu-children-sri-lanka-economic-crisis-bites>.
15. Share of consumer expenditure spent on food, 2016 // World Bank // <https://ourworldindata.org/grapher/share-of-consumer-expenditure-spent-on-food>.
16. SOFI. Fill the Nutrient Gap from SOFI 2020 // <https://www.unicef.org/media/72676/file/sofi-2020-full-report.pdf>.
17. Torlesse H. and Aguayo V. Aiming. Higher For Maternal And Child Nutrition In South Asia // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/mcn.12739>.
18. Trading economics. Food inflation // <https://tradingeconomics.com/country-list/food-inflation?continent=asia>.
19. WFP Global Operational Response Plan: Update #6 – November 2022 World Food Programme // <https://www.wfp.org/publications/wfp-global-operational-response-plan>.

G.S. VIDIAEV

Postgraduate student at the Eastern Institute – School of Regional and International Studies at the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

FOOD SECURITY CHALLENGES IN THE ASPACIFIC REGION IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATION: THREATS AND RESPONSE STRATEGIES

This article provides a comprehensive analysis of the current challenges and threats to food security in the Asia-Pacific region (APR) amid the transformation of the international system. Against the backdrop of global crises – including the COVID-19 pandemic, the war in Ukraine, climate disasters, and macroeconomic instability – the region is experiencing a systemic deterioration in food availability, resilience, and nutritional quality. The focus is on the impact of geopolitical and economic factors on undernourishment trends, food inflation, import structures, and export restrictions. The article highlights the geographical inequality of vulnerability, showing that the most affected are the region's least resilient economies: Afghanistan, the Lao People's Democratic Republic, Sri Lanka, and Tajikistan. It examines the consequences of currency devaluation, rising fuel and fertilizer prices, declining remittances, and sovereign debt on food security. The article concludes by proposing strategic crisis mitigation measures, including regional currency arrangements, investments in climate-resilient agriculture, and targeted food assistance programs. The study underscores the need to integrate the food security dimension into the agenda for international stability and sustainable development.

Key words: food security, Asia-Pacific region, international system, inflation, climate shocks, supply chains, inequality, sustainable agriculture, social protection, currency vulnerability.